

Федор Борисович Успенский
Анна Феликсовна Литвина

Кубок и крест, ковчег и надгробье. Имена и вещи в подспудной истории Смутного времени

Личное имя – это тот минимальный сгусток информации, который стремится сохранить всякая традиция. Наивная и чрезвычайно устойчивая вера человека в то, что пока не утрачено его имя, не утрачен и след его бытия, имеет под собой некоторые основания. Особенно это заметно, если мы обращаемся к такому феномену, как русская средневековая многоименность, где каждый антропоним обслуживал ту или иную сферу жизни и пересекались они лишь постольку, поскольку пересекались между собой сами эти сферы.

Отыскивание всех имен конкретного человека зачастую носит почти детективный характер и неспроста завораживает исследователя. Помимо очевидной фактографической пользы, когда мы можем установить, к примеру, дату рождения известного исторического персонажа, обнаружить, что две жены некоего мужа в действительности – одно и то же лицо или выяснить кому принадлежал тот или иной предмет, мы приобретаем возможность заглянуть в те области жизни средневекового человека, куда без знания всех его именовании нам путь закрыт или ограничен. Ономастические разведки оказываются здесь особенно продуктивными, будучи соединены с изучением объектов материального мира – светских и сакральных артефактов, а если говорить о жизни элиты, то и с генеалогическими изысканиями.

1. *Письма царевны Ксении (в монашестве Ольги)*

Начнем, однако, наш экскурс в историю 'иной жизни' позднего Средневековья с источника сугубо письменного – двух образчиков эпистолярного жанра, один из которых был хорошо известен исследователям (АИ II: 213. № 182/1), тогда как другой обнаружен относительно недавно (Тюменцев, Тупикова 2018: 945, прилож. 1). Речь идет о письмах злосчастной царевны Ксении Годуновой. Написаны они в ту пору, когда ее отец, царь Борис, умер, мать и брат были убиты, а она сама после тяжелых испытаний в первые месяцы правления Лжедмитрия I и принятия монашеского пострига оказалась в Троице-Сергиевом монастыре, который в 1609 г. осаждали сторонники Лжедмитрия II.

Годунова пишет двум женщинам, одну из которых именуется *тетушкой*, а другую *бабушкой*, однако в действительности никто из них не состоит с ней в кровном род-

стве, а из писем – практически идентичных по содержанию и изображающих бедственное положение царевны-инокини в настоящем – одно апеллирует, скорее, к славному прошлому, тогда как другое к весьма тревожному и неопределенному будущему. Из чего же складывается эта удивительная ситуация? Задавшись таким вопросом, мы сможем с помощью разнообразных материальных предметов погрузиться в мир неявных политических связей, скрепленный весьма прочной сетью свойств, родства через брак. Ткалась эта сеть по преимуществу женскими руками.

Тетушкой в своем письме Ксения называет некую княгиню Домну Богдановну, урожденную Сабурову, и это обозначение, не имеющее, как мы уже сказали, отношения к биологической генеалогии Годуновых, заставляет нас обратиться к прошлому – ко временам правления Ивана Грозного. В 1571 г., царь женил своего наследника, Ивана Ивановича, на девице из рода Сабуровых, Евдокии Богдановне. Брак с царевичем был для семьи невесты не только мощнейшим социальным лифтом, но и центральным событием истории рода, память о котором хранилась на всем протяжении его существования. В свою очередь, Ирина, родная тетка царевны Ксении, вышла замуж за другого сына Ивана Грозного, царевича Федора. Значимость этого брака для Годуновых невозможно переоценить – он был одной из главных опор их права на власть.

Существенно при этом, что в пространстве свойств, этих некровных, но чрезвычайно значимых уз, возникающих благодаря бракам, Евдокия Сабурова и Ирина Годунова, выйдя замуж за родных братьев, сделали между собою *сестрами*. Далее же в дело вступает механизм автоматического переноса этих только что сформировавшихся связей: коль скоро, Ирина Годунова стала сестрой Евдокии Сабуровой по браку, то все кровные племянники и племянницы Ирины Годуновой (включая, разумеется, и нашу царевну Ксению) сразу же превращаются в *племянников* и *племянниц* и Евдокии Сабуровой тоже. Чем престижнее и полезнее брак для семьи, тем более активно считаются родством, и при малейшей надобности оно может быть актуализировано одной из сторон.

К 1609 г. Ксения Годунова лишилась не только царских палат и блистательных надежд, но и всей ближней кровной родни – у нее нет ни родителей, ни родных сестер и братьев, ни кровных дядьев и теток. Свойство с Сабуровыми отсылало к счастливому прошлому и давало хоть какую-то опору в настоящем. Однако всю символическую нагруженность этих рукотворных связей мы сможем оценить, лишь внимательнее взглядевшись в историю вхождения Евдокии Богдановны Сабуровой в царскую семью.

2. *Имена и надгробье царевны Евдокии (в мон. Александры)*

Как известно, сын Ивана Грозного, царевич Иван, был женат трижды, и все его жены, несмотря на различие жизненного пути, заканчивали более или менее одинаково – они оказывались насельницами того или иного монастыря. Можно сказать,

что нашей Евдокии Сабуровой повезло даже больше других. Она недолго терпела тяготы принадлежности к семье царя: в 1571 г. ее выдают замуж за царевича, а в 1575 г. он уже женат на следующей избраннице. Тем не менее, как можно убедиться по множеству примет (в частности, и по письму Ксении Годуновой), этот недолгий брак, потеряв, по-видимому, всякое значение для Ивана Грозного, отнюдь не утратил такового в глазах придворной элиты. Для категории свойств на Руси это, вообще говоря, не удивительно – она обладает здесь своеобразной имманентностью и неизменностью как в прошлом, так и в будущем: женщина называется *снохой* князя, даже если она вошла в семью много лет спустя после его кончины, а княгиня из рода Рюриковичей упоминает в завещании свою *сноху*, хотя ее сын еще холост и при жизни матери так и не женится (Литвина, Успенский 2020: 146-151).

Благопристойный развод, разумеется, кладет конец дальнейшему росту карьеры родственников, но отнюдь не мешает с гордостью вспоминать о некогда состоявшемся сверхпрестижном матримониальном союзе. Разведенной же царевне, Евдокии Сабуровой, суждена была весьма долгая по тем временам жизнь. Она пережила не только зловещего свекра и несчастного мужа, погибшего от руки собственного отца, но застала конец всей династии Рюриковичей на московском престоле, наблюдала все перипетии Смутного времени и скончалась в 1614 г., уже при воцарившихся Романовых – грамоту о ее погребении игуменье суздальского Покровского монастыря, где подвизалась наша Сабурова, ставшая инокиней Александрой, пришлет молодой государь Михаил Федорович (Шокарев 2022: 44). В ту пору Романовым еще очень важна была идея родства/свойств с Рюриковичами через брак Ивана Грозного с Анастасией, а стало быть, небезразлична и мысль о свойстве с первой женой царевича Ивана Ивановича, который состоял с ними в кровном родстве.

В том, что касается исследовательского интереса, Евдокии Сабуровой не во всем повезло – достоверных сведений о ней до сих пор было собрано не так много¹, но при этом ее фигура успела обрасти несколько историографическими мифами. Так, считается, что надгробная плита из Покровского монастыря, где есть надпись о кончине иноки Александры, поставлена именно по ней:

лѣта 7097/1589] мца авг(с)а в(ъ) з[1] [17] (дн) на памѣ(т) сѣта(го) мѣника Мирона престависѣ раба Бож(и)[а] инока Алє(к)сандра Ѳєдота до(ч) Ивановича Сабѳрова².

Совершенно очевидно, что это неверно: погребенная под плитой инокиня Александра Сабурова скончалась 17 августа 1589 г., тогда как наша Евдокия (Александра), хотя и пребывала в этой обители, дожила до 28 ноября 1614 г. Однако отталки-

¹ Наиболее полно сведения о Евдокии Сабуровой представлены в работе С.Ю. Шокарева (2022), с указанием литературы.

² Гипотеза о принадлежности плиты Евдокии (Алексадре) Сабуровой была выдвинута Н.М. Кургановой (2007: 50-51), транскрипция же надгробной надписи выполнена А.М. Житеновой (Курганова 2007: 97, прилож. 5).

ваясь от этой ошибочной атрибуции, мы можем полнее представить жизнь и окружение царевны Евдокии в монастыстве. Инокиня Александра, умершая в 1589 г., по всей видимости, приходилась дочерью небезызвестному воеводе Федору Сверчкову-Сабурову – этот персонаж грозненской эпохи хотя и звался в публичном обиходе *Федор Пот*, в крещении был, судя по всему, *Феодотом* (так он и назван на интересующем нас надгробном камне).

Таким образом, в монастыре жили одновременно две старицы Александры Сабуровы, которые состояли друг с другом в 8-й степени кровного родства, что кажется весьма отдаленной связью для современного человека, но несомненно было вполне актуально и значимо для знатных женщин XVI столетия³. Более того, еще одна их знаменитая родственница – разведенная и постриженная насильно супруга Василия III, великая княгиня Соломония Сабурова (в монастыстве Софья) – в свое время тоже жила в этой обители и была там погребена. Иначе говоря, суздальский Покровский монастырь оказывается своего рода прибежищем для женщин из клана Сабуровых, и наша юная царевна Евдокия (Александра) оказавшись здесь, ходила мимо могилы одной своей родственницы, чья судьба была еще хуже ее собственной, и какое-то время разделяла монастырскую жизнь с другой.

Существенно, что при этом не прекращалась ее связь и с родительской семьей, пребывавшей в миру, и особенно характерно, что она была тесно переплетена с воспоминаниями о былом замужестве. Так, архиепископ новгородский Леонид благословил царевича Ивана Ивановича – по всей видимости, в связи с первой его женитьбой – иконой “Предста царица”, которая сохранилась до наших дней (Государственный Русский музей, инв. № ДРЖ-2060). Когда же этот брак был расторгнут, икона не осталась в царских палатах, но последовала вместе с Евдокией в Покровский монастырь. Полтора десятка лет спустя к тыльной стороне ее была прикреплена шелковая лента с сообщением о кончине некоей Ксении Сабуровой:

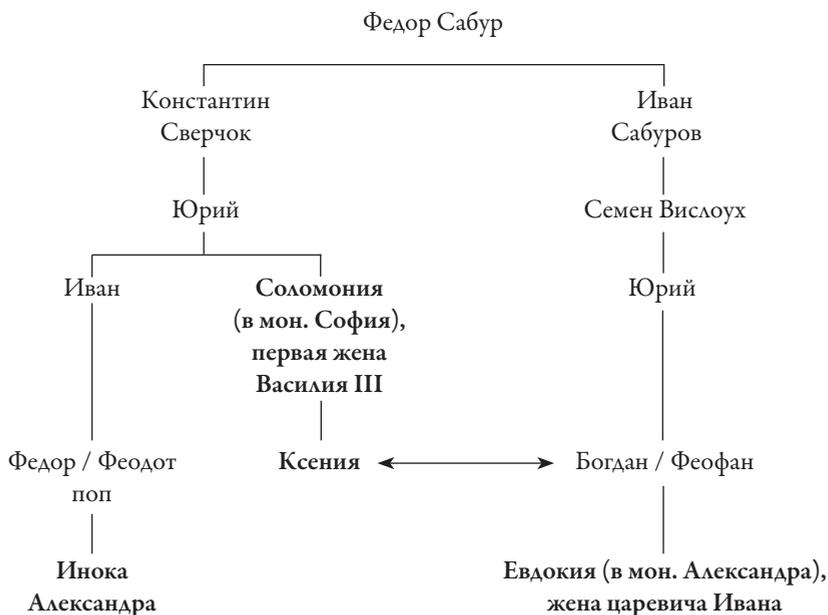
Лета 343-го [7097/1589] пристави(ся) Бо(г)данова ... Сабурова Ксения 3Р?? года
(Вилинбахова 1994: 9-10; Шалина 2018: 95)⁴.

Здесь-то и складывается еще один историографический миф: будто бы речь в этой надписи идет о смерти самой царевны Евдокии Богдановны, а, стало быть, у нее было еще одно имя, *Ксения* (Шалина 2018: 95-96, 121-122, прим. 153-155). Первая часть этого утверждения неверна (мы помним, что царевна скончалась четвертью века позже), а вторая – не только неверна, но и избыточна. Имени *Ксения* ни в миру, ни в монастыстве у Евдокии Сабуровой не было – зато *Ксенией* звали ее мать, супругу Богдана

³ Весьма возможно, что это совпадение имен неслучайно – представители одного и того же рода склонны воспроизводить не только светские, но и монашеские имена друг друга.

⁴ Последняя дата в надписи на ленте читается очень плохо. Между словами “Богданова” и “Сабурова” явно было некое ныне нечитаемое слово.

ТАБЛИЦА I

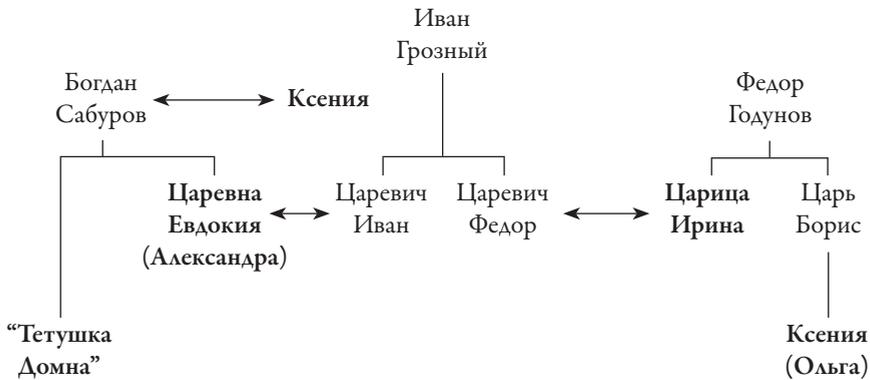
Сабурова⁵. Очевидно, что слово *жена* или *семья*, нечитаемое теперь, присутствовало некогда на шелковой ленте, и *Бо(г)данова* здесь – не отчество, а совершенно стандартное именование женщины по мужу.

Таким образом, мы видим как царевна-инокиня, живущая в суздальском Покровском монастыре, присоединяет к своей свадебной (?) иконе мемориальную записку о кончине матери (см. ТАБЛИЦУ I).

Вернемся, однако, к письму другой царевны-инокини, Ксении (Ольги) Годуновой, с которого мы начали наш рассказ. Мы говорили о том, насколько для Годуновой было важно давным-давно установившееся свойство с Сабуровыми. Само собою напрашивается предположение, что именно Евдокии Сабуровой она и пишет, называя ее *теттушкой*, что одна монахиня из царской семьи обращается к другой. Отчество *Богдановна*, разумеется, только подкрепляет эту догадку, и ее до сих пор придерживается целый

⁵ Ср., например, запись о заупокойном вкладе Богдана / Феофана Сабурова “по своей жене по Ксенье”, сделанных в 7100/1592 г., (Алексеев 2006: 46, л. 40; ср.: Сахаров 1851: 74; Шаблова 2012: 132, л. 228). Предположение (по всей видимости, устное) о том, что в надписи при иконе упоминается не кто иная, как мать Евдокии (Александры), Ксения Сабурова, сделал в свое время Н.Б. Тихомиров – см. упоминание об этом в работе Т.Б. Вилинбаховой (1994: 9-10).

ТАБЛИЦА 2

ряд исследователей⁶. Однако и это предположение неверно, что еще в начале XX в. блестяще продемонстрировал Д.Ф. Кобеко (1905). В самом деле, при такой атрибуции приходится домыслить Евдокии (Александре) еще одно имя – *Домна* (напомним, что Ксения обращается к своему адресату как к “сударыне моей свету-тетушке, княгине Домне Богдановне”), а никаких свидетельств того, что Евдокия Сабурова носила еще и имя *Домна* у нас нет. Хуже того, нам пришлось бы объяснять, почему Годунова, адресуясь к инокине, никак не упоминает ее монашеского сана и имени, но зачем-то приписывает ей светский титул, которого у той и в миру никогда не было.

На деле же ситуация объясняется весьма просто. Ксения пишет вовсе не самой Евдокии (Александре) Сабуровой, а ее родной сестре, женщине вполне светской и хорошо известной – Домне Богдановне Сабуровой, вышедшей замуж за князя Ивана Андреевича Ноготкова и тем самым сделавшейся *княгиней*. Пресловутый механизм расширительного пересчета свойства делал – благодаря царственному браку сестры – и Домну Богдановну *теткой* Ксении Годуновой (Кобеко 1905)(см. ТАБЛИЦУ 2).

Мы можем, таким образом, не только избавить Евдокию Сабурову от ‘лишних’ имен, но и разглядеть несколько женских образов, несколько узлов в той сети свойства, которая продолжала работать несмотря на быстротечный ход времени и все невзгоды, сопровождающие смену династий на московском престоле. Когда две родные сестры, Евдокия и Домна, выходили замуж, матримониальный союз первой из них выглядел несравненно удачнее брака другой – казалось, что царственная родня Евдокии обеспечит благополучие и процветание и сестре Домне, и их матери Ксении. Хотя судьба и распорядилась иначе, непрерывная связь поддерживалась и между эти-

⁶ См.: Веселовский 1963: 232, 299, 460; Балдин, Манушина 1996: 383, прим. 48; Соколов 2007: 66, № 177; Алексеев 2006: 109, прим. 136; Кучкин 2013: 57-58; Корзинин 2016: 185.

ми кровными родственницами, и между вовлеченными в их круг свойственницами. Покровительствуемые и покровительствующие подчас могли меняться местами, но всегда сохранять надежду если не на действенную помощь, то хотя бы на сочувствие и утешение. Не исключено, что расчет на практическую поддержку Ксения Годунова вкладывала в письмо к другой женщине, которую она именует *бабушкой*. На чем же могли основываться ее чаяние?

3. *Английский кубок в руках русской княгини*

Адресат второго письма, *бабушка* Стефанида Андреевна, это не кто иная, как Стефанида / Матрона Годунова, которая была вдовой двоюродного деда царевны Ксении (Ольги), знаменитого царского дяди, боярина Дмитрия Ивановича Годунова (подробнее о ней: Литвина, Успенский 2022: 100-143; Литвина, Успенский в печати [а]). Хотя Ксения и не состояла с ней в кровном родстве, та близость между ними, которую она демонстрирует, не была, по всей видимости, сугубо этикетной. Дядя царя Бориса в свое время заменил рано осиротевшим племянникам отца, и именно благодаря ему они оказались при дворе Ивана Грозного. Дмитрий Иванович дожил до глубокой старости, так что отпрысками Бориса Годунова он не мог не восприниматься как полноценный заместитель родного деда, а Стефанида / Матрона, которая была за ним замужем с 1589 г., вполне могла играть в их глазах роль бабушки по отцу.

Что же, однако, кроме сострадания бедственному положению Стефанида / Матрона могла дать своей названной внучке в 1609 г.? Казалось бы, могущество и благополучие семьи Дмитрия Годунова в последние годы держалось на царских привилегиях его племянников – сперва Ирины, а потом Бориса, и со смертью последнего (1605 г.) неизбежно должно было кончиться, тем более что и сам Дмитрий Иванович скончался несколькими месяцами ранее. Впрочем положение его вдовы, парадоксальным образом, оказалось вовсе не таким плачевным, как положение самой Ксении, потерявшей отца, мать и брата. Здесь следует обратить внимание на то, к кому обращены благопожелания царевны-инокини – Ксения выказывает заботу о некоем сыне Стефаниды / Матроны, *князе Иване Семеновиче*, и о ее невестке, *княгине Алене Ивановне*. В последние годы удалось совершенно надежно установить, что это за люди.

Публикаторы письма Ксении Годуновой не воспроизвели запись, содержащуюся на его оборотной стороне, а она-то как раз безошибочно раскрывает личность князя Ивана Семеновича⁷. Мы узнаем, что речь идет о князе Куракине, который не имел отношения к Годуновым по крови, но состоял с ними в весьма тесном свойстве – Стефанида / Матрона родила его в первом браке, и ее второму мужу, Дмитрию

⁷ Эту адресную надпись можно видеть, например, на сайте шведского Государственного архива в Стокгольме (Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA 34): <https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0002739_00002#?c=&m=&s=&cv=1&xywh=394%2C3027%2C976%2C1383&r=270>.

Ивановичу Годунову, он стал *пасынком*, а царю Борису, так сказать, *сводным кузеном* (подробнее об этом см.: Литвина, Успенский в печати [а]).

Установление такой родственной связи, вообще говоря, весьма существенно для воссоздания биографии Куракина, этого литератора⁸ и вельможи, преуспевшего при Годунове, недурно продолжившего свою карьеру при Лжедмитрии I, пережившего головокружительный взлет во времена правления Шуйского и даже при Романовых первое время продолжавшего пользоваться определенным влиянием. Алена Ивановна, охарактеризованная в письме как *невестка* Стефаниды / Матроны, это не кто иная, как жена Ивана Семеновича (урожденная княжна Туренина). Пока были живы царь Борис и его дядя, Дмитрий Иванович, они покровительствовали этой семье, тем более что родных детей, доживших до взрослого возраста, у Дмитрия Ивановича не было, и пасынку с супругой в какой-то степени суждено было занимать их место.

До наших дней дошли своеобразные материальные знаки этой приязни старшего поколения к младшему. Так, удалось установить (Литвина, Успенский в печати [а]), что драгоценный кубок английской работы, ныне хранящийся в ризнице Троице-Сергиевой лавры (инв. № 151 ихо)⁹, в свое время был не чем иным, как подарком Дмитрия Ивановича нашей княгине Куракиной – об этом свидетельствует двухчастная выразительная надпись на этом сосуде:

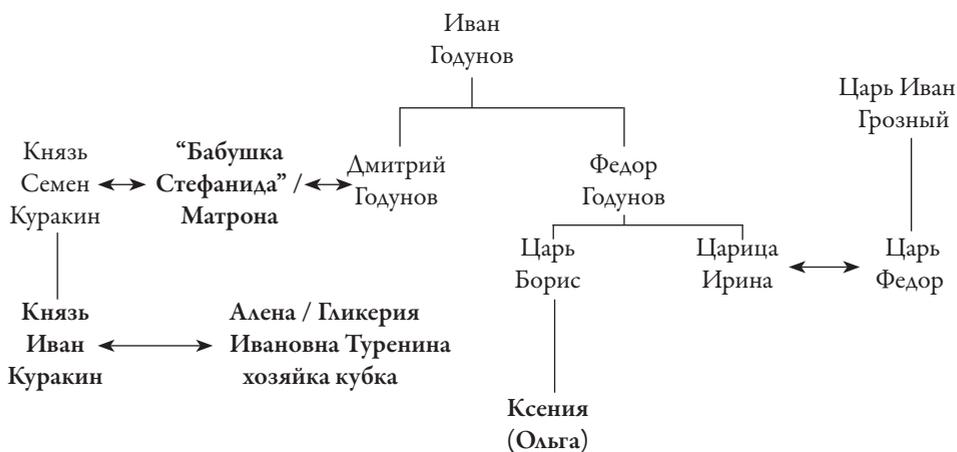
КѢБОКЪ БОДРИНА КОНЮШЕГО ДМИТРИЕѦ ИВАНОВИЧА ГОДУНОВА
ДАНЪ КНЯГИНЕ ЄЛЕНЕ ИВАНОВНЕ ПИТИ ИЗ НЕВО НА ЗДРАВІЕ

Биографии двух женщин – свекрови и невестки – удастся реконструировать куда лучше с того момента, когда было установлено, что обе они обладали двумя христианскими именами в миру. Старшая из них, как мы здесь уже упоминали, носила публичное имя *Стефанида*, но в крещении была *Матроной*, хотя долгое время искусствоведы и историки предполагали, что речь идет о разных женщинах, двух спутницах Дмитрия Годунова, и спорили о том, какую роль каждая из них сыграла в развитии русского декоративного искусства. Родилась Стефанида / Матрона в семье князей Стригиных-Ряполовских, а будучи замужем за Дмитрием Ивановичем Годуновым, стала хозяйкой одной из самых интересных художественных мастерских последних десятилетий XVI-начала XVII в., из которой вышли десятки великолепных

⁸ Перу Куракина принадлежал довольно пространный и витиеватый текст, известный как “Чаша Государева”, адресованный царю Михаилу Федоровичу. При этом исследователи давно отмечают его сходство с другим образчиком этого риторического жанра, “Чашей” Бориса Годунова (Соколова, Солодкин 1993). Зная теперь о столь близком свойстве Куракина и царя Бориса, не следует ли предположить, что Иван Семенович был автором и этого сочинения? См. более подробное обсуждение этого вопроса в: Литвина, Успенский в печати (а).

⁹ Об английском происхождении кубка, изготовленного, согласно именованному клейму, известным лондонским мастером Симеоном Бруком (Semeone Brooke) в 1584/85 г., см.: Гольдберг 1954: 440.

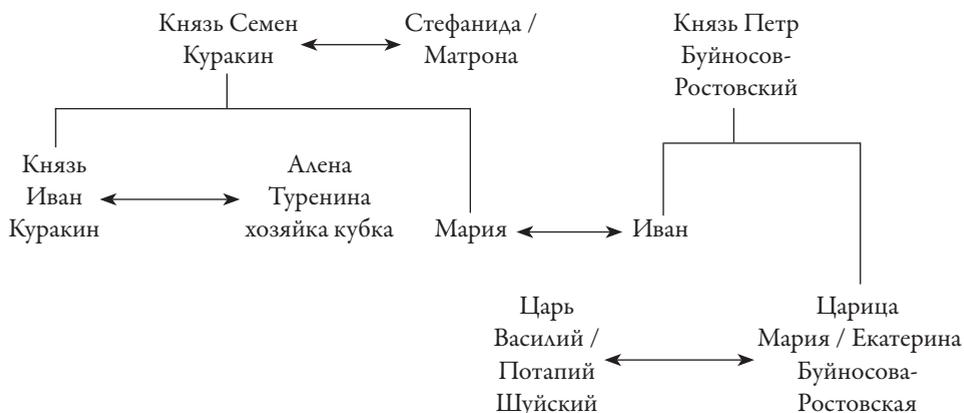
ТАБЛИЦА 3

образчиков лицевого шитья, сохранившихся до наших дней. Вместе с Годуновым она выступала как заказчик и жертвователю богато украшенных рукописей и драгоценных предметов, и даже сделавшись монахиней, сохранила возможность распоряжаться некоторыми земельными владениями и немалыми суммами денег, о чем напрямую свидетельствует жалованная подтверждающая грамота царя Михаила Федоровича, выданная 31 декабря 1621 г. инокине Александре, "что была в мире боярина Дмитреева жена Ивановича Годунова" (АСЗ IV: 438-439, № 527) (см. ТАБЛИЦУ 3).

Ее невестка, в публичном обиходе *Алена* (т. е. *Елена*) и *Гликерия* в крещении, принесла мужу множество новых и весьма значимых связей по свойству, несомненно способствовавших продвижению Куракина (см. о них подробнее: Литвина, Успенский в печати [а]). Таким образом, в дальнейшем, когда дом Годуновых сошел со сцены, труды Стефаниды / Матроны, умевшей обеспечить своим детям, Ивану и Марии, сначала более чем влиятельного отчима, а потом и выгодные браки, не пропали даром. Овдовев, она еще долгое время сумеет прожить в почете и достатке в Москве, в доме четы Куракиных. Более того, если прежде молодой князь Куракин мог полагаться на помощь своих близких свойственников Годуновых, то теперь царевна-инокиня Ксения (Ольга) стремится дать ему знать о своем бедственном положении, явно или подспудно надеясь на помощь этого успешного полководца и приближенного царя Василия Шуйского в вызволении из тягот осады и дальнейшую поддержку. На тот момент он был, пожалуй, самым влиятельным из ее свойственников, а его супруга Елена / Гликерия, урожденная Туренина, дочь одного из ближайших приверженцев Бориса Годунова, сохраняла при дворе все свои родственные связи.

ТАБЛИЦА 4

При этом у князя Ивана Семеновича Куракина в руках было два инструмента, позволявших ему при всех переменах фортуны очень долго удерживаться в самой сердцевине дворцовой жизни: связи по свойству и умение мгновенно пренебречь этими связями, как только они прекращали приносить пользу. Так, своим успехом в годы правления Шуйского он был обязан не только собственной политической ловкости, но и вполне конкретному матримониальному обстоятельству – муж его родной сестры, Марии Семеновны, князь Иван Петрович Буйносов-Ростовский, сделался не кем иным, как царским шурином. Мария / Екатерина, его сестра, урожденная Буйносова-Ростовского, как известно, стала супругой царя Василия Шуйского. Когда же чета Шуйских была свергнута с престола и насильственно пострижена в монахи, главой дознавателей, обвинявших недавнюю царицу Марию / Екатерину в растрате государственной казны, стал, ни мало не смущаясь своим свойством, наш Иван Куракин – судя по материалам дела, он отличался оскорбительной дотошностью, выясняя судьбу мелких предметов, явно не имевших никакого государственного значения (Савелов 1914)(см. ТАБЛИЦУ 4).

4. *Имена и крест Василия Шуйского*

До сих пор мы говорили о том, как в тяжелые времена женщины пытались искать опору в свойстве, коль скоро кровное родство уже не могло служить им поддержкой. Что же касается Василия Шуйского, то тщательно конструируемое свойство, пожалуй, не сослужило ему доброй службы в пору низвержения с московского престола. Только что мы отмечали неприглядную роль Ивана Куракина в жизни царицы Марии / Екатерины, а согласно летописным известиям, в заговоре против царя участвовал и более близкий его родственник по браку – князь Иван Михайлович Воро-

тынский, женатый на сестре царицы (ПСРА XIV: 100). Родные же братья во многом разделили с царем Василием его изгнанническую участь, так что в целом судьба семьи Шуйских в эту эпоху выглядит как своеобразный генеалогический предел – тупик в работе всех связей по кровному родству и свойству.

Особый сюжет в истории этого краха связан, как ни удивительно, с принадлежавшими государю личными именами.

Относительно недавно удалось установить, что всю жизнь Шуйский был не только *Василием*, но и *Потапием* (Литвина, Успенский 2021a; Litvina, Uspenskij 2024). Как *Потапия* его предписывается помянуть, например, в кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г.:

<8 декабря> Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ца нашегѡ Потапія.

Корм по ц(а)рѣ и великом кн(я)зе Василюи Ивановиче всеа Россіи Поминати м(о)л(и)твенное имя Потапія... (Кириченко, Николаева 2008: 145, л. 109 об.)¹⁰.

Знание двух мирских христианских имен правителя позволяет, помимо всего прочего, надежно атрибутировать драгоценный напрестольный крест-мошевик, ныне хранящийся в экспозиции *Золотая кладовая* Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Фондовая коллекция *Драгоценные металлы и камни*, инв. № В-1702 Ц-2036). Вкладная надпись на нем гласит следующее:

принесе^н ч^тны^и кр^сть со ст^ыми мощ^ими во ст^яю ѡбите^а преч^тыѣ б^ацы ч^тнаѣ е^иа по-
кр^ова д^вчъ м^насты^р б^гос^псаемо^м[в] гра^де су^ждале мн^{ог}огр^ѣшны^и ра^б б^жи^и василе^в во
сто^мб кр^сщни^и потапе^н л^ѣт рви^ѣ ~ [112] по се^мои ты^слщи ~ [1603/04]

Памятуя о теснейшей связи княжеского семейства Шуйских с этой уже знакомой нам по истории с Сабуровыми обителью, нетрудно догадаться, что упомянутый здесь *раб Божий Василий, во святом крещении Потапий* – это не кто иной, как будущий правитель Василий / Потапий Шуйский. Антропонимическое сочетание *Василий / Потапий*, вообще говоря, довольно редкое и ошибиться здесь практически невозможно. Более того, очевидно, что Василий / Потапий Иванович, происходящий из рода суздальских князей, попросту действует так же, как в разное время поступали его ближайшие родственники, которые пожертвовали в Покровский монастырь немало драгоценных предметов (Литвина, Успенский 2023; Литвина, Успенский в печати [6]).

С другой стороны, атрибуция креста раз и навсегда вносит ясность в статус обоих имен: теперь мы можем не сомневаться, что будущего царя крестили *Потапием*, а

¹⁰ Соответствующие указания на двуименность Шуйского и в других синодиках обители (ОР РГБ, ф. 304/І. 818. Л. 23; ОР РГБ, ф. 304/І. 818. Л. 29; ОР РГБ, ф. 304/І. 814. Л. 59 об.); встречаются они и в одном из синодиков Александра Свирского монастыря (БАН, ф. Алекс.-Свирск. 55. Л. 90/93), тогда как в другом есть упоминание “кн^за Потапіа”, над которым киноварью приписано: “ц^рь Василюи” (БАН, ф. Алекс.-Свирск. 57. Л. 15 об.).

имя *Василий* было выбрано для него по родовым соображениям в качестве публичного. В свою очередь, это новообретенное знание проливает свет на политический подтекст его монашеского имени. В самом деле, в эту эпоху существовала строгая закономерность: чаще всего монашеское имя подбирают по первой букве или по созвучию к тому христианскому имени, которое человек носил в миру, и если он был двуименным, то основой для такого подбора служило исключительно имя крестильное. С царем же, который отказывался даже произносить слова монашеского обета, поступили иначе – при насильственном постриге ему нарекли имя *Варлаам*, подходящее исключительно к публичному *Василий*. Заговорщики пренебрегли крестильным именем *Потаный* не случайно. Хотя многим из них оно было известно, важнее всего было донести до широкой аудитории, что нет более того царя, которого все знали как *Василия*, а есть только *инок Варлаам*.

Замечательно при этом, что его супругу, царицу Марию / Екатерину, постригли “как положено” – в монашестве она сделалась *Еленой*, поскольку в крещении была *Екатериной*. Некоторое время спустя после пострига царица-инокиня оказалась все в том же Суздальском Покровском монастыре, столь важным для семьи ее низверженного мужа – здесь она не могла не встретиться с нашей Евдокией (Александрой) Сабуровой, разлученной с супругом и постриженной тремя десятками лет ранее.

5. *Ковчег князя Хворостинина*

Наблюдения над матрилинейной генеалогией – на этот раз речь пойдет о родстве кровном и самом что ни на есть близком – в совокупности с составлением полного антропонимического досье знатной женщины способны прояснить судьбу и статус еще одного драгоценного предмета, связанного одновременно и с грозненским временем, и с эпохой Смуты, и с тем периодом, когда династия Романовых утверждалась во власти. Любопытным образом, работа ономаста здесь по своему вектору окажется чем-то противоположным исследованию креста Шуйского: если там открывается необходимость повышения официального статуса предмета, то здесь дело идет, скорее, о своеобразном понижении, привнесении собственно семейной, почти интимной составляющей в историю того объекта, который прежде считался чуть ли не государственной инсигнией.

Мы говорим о знаменитом ковчеге Ивана Андреевича Хворостинина, хранящемся в коллекции музеев Московского Кремля (инв. № МР-1059/1-7). Для начала перечислим (предельно схематично) элементы, составляющие этот комплексный объект, отсылая читателя за детализированным описанием к работам М. В. Мартыновой (2000; 2003). Интересующий на ковчег – это не что иное, как деревянный ящичек с крышкой, обитый золотыми и серебряными пластинами, причем и крышка, и окружающая ее рама изобилуют черневыми изображениями. На задней стороне ковчега есть три потайные ящичка, в которых сохранились два серебряных мощевика с резными изображениями св. Матфея, новомученика и чудотворца, и великомученицы

Гликерии. Снаружи на нижней части крышки крепится пластина с надписью. Внутри самого ковчега находится серебряная золоченая икона, к которой прикреплен шестиконечный деревянный крест с золотой оправой, а в нижнюю ее часть вставлена своего рода панагия (так ее называют в описях; она же именуется “скрыжаль” или “скрыжальца” в текстах самого ковчега).

Надписи присутствуют на всех элемента комплекса – на кресте, на иконе, на раме, на крышке, на панагии и мощевиках, так что в известном смысле, наш ковчег – сам себе опись, составленная его заказчиком, князем И.А. Хворостининым. Вот самый пространный из этих его текстов:

В семь киоте крѣтъ стго и животворящаго древа на нем же ра(с)па(с)на Хсъ Бгъ а сеи стѣи крѣтъ створенъ живатв(о)рацимъ сомосушнымъ древесем а сие стое древо ω(т) того крста иже бѣ присланъ ω(т) Константинополя в Киевъ великому кнсю Владимероу Манамахоу Константина Манамаха единогласна нареченнаго шапкою и диωдимоу и сердоличною чаркою из неѣ же иногда веселасл. Августъ кесарь римский еще же и тои стѣ крѣтъ тогда приа ω(т) митрополита Неоѡита эфесскаго и митоулиискаго и милитѣискаго и и протчих семь оубо свидѣтельствуует во ωсмой главѣ в степенной книге. в том же киотѣ скрыжалца имоуще камень живоноснаго гроба г(с)дна и ω(т)валенный ω(т) гроба ихъ же Θεωфан патрархъ иеросалимский на своихъ персеях носивъ да в том же киотѣ мощи мѣницы Гликерии мощи прпднына Парасков(ы)ѣи во плоти мощи Матфѣя новомученнаго во плоти. оукрашение сие и искание кнзя Їванна Гндрѣевича Хворотинина начать же бысть оукрашати дѣло сие в почеть Хса Бга ншего в лта зргі [1605] а совершено бысть в лѣта зркѡ [1621] году (Мартынова 2000: 63; Мартынова 2003: 97-98).

В описях же, так сказать, внешних, восходящих к первой половине XIX столетия, содержащимся в ковчеге предметам, как и всему этому артефакту в целом, придавалось чрезвычайное значение. Тенденция эта была подхвачена исследовательской традицией и в том или ином виде просуществовала до наших дней. Так, высказывалось предположение, что находящийся здесь крест был изготовлен специально для помазания на царство Ивана Грозного или что им пользовались при венчании на царство ранних Романовых (в частности, царя Федора Алексеевича)¹¹. Предполагалось также, что в соседствующей с крестом панагии содержится тот самый камень от Гроба Господня, на котором по повелению патриарх Гермогена были написаны имена Ивана Васильевича Грозного, его сына Федора Ивановича и Бориса Годунова.

Существенно, однако, что ни одно из этих допущений не подкрепляется письменными данными, а некоторые из них напрямую им противоречат. Более того, решительно непонятно, почему, если речь идет о столь значимых церемониальных регалиях, заказ на изготовление ковчега был поручен такому лицу, как князь Иван

¹¹ Обзор предшествующих интерпретаций и библиографические указания см. в работе: Мартынова 2003.

Андреевич Хворостинин († 1625), фавориту Лжедмитрия I и вольнодумцу, которого при Романовых напрямую обвиняли в отклонении от православной веры, ссылали в монастырь и никогда не допускали до высших государственных должностей. Как мог, наконец, сам князь Иван Андреевич в пространных текстах, вырезанных на ковчеге, рассуждая о Владимире Мономахе или Феофане, патриархе Иерусалимском, никак не упомянуть нынешнего государя Михаила Федоровича, если бы ковчег и впрямь замышлялся как подношение царю или кому-либо из членов его семьи?

Помимо всего прочего, изображения и надписи на разных элементах драгоценного ковчега в значительной степени вторят и перекликаются друг с другом, и в этих повторах акцентируются имена святых, никак с царским домом не связанных. Так, на оборотной стороне ковчега есть три потайные ящичка, в каждом из которых хранилось по одному мощевнику с изображениями св. Гликерии, св. Параскевы и св. Матфея Нового Чудотворца. Изображения свв. Гликерии и Параскевы появляются и на верхней стороне ковчега, на его своеобразной раме. И, наконец, об их реликвиях особо упоминается в пространной финальной надписи на нижней части крышки, где Иван Андреевич как бы подводит итог своему собирательскому труду.

Подобная троекратная репрезентация несомненно свидетельствует об особой важности образов этих мучениц для заказчика. Между тем, если говорить об общерусском прославлении св. Параскевы вполне оправданно, то никаких следов особого культа св. Гликерии (как и случаев соответствующего имянаречения в правящей семье Романовых) не обнаруживается. При этом антропонимическое исследование дает достаточно определенный ответ на вопрос, почему князь Хворостинин уделил столько внимания именно Гликерии при создании своего ковчега, этого сложного комплекса благочестивых артефактов.

Особенно наглядным это объяснение станет, если мы обратимся к драгоценной иконе, помещенной в ковчег. На ней представлены изображения свв. Константина и Елены, и создавалась она, по общему мнению искусствоведов, еще в грозненские времена. Князь Иван Андреевич сообщает, что он начал собирать свой реликварий в 1605 г. (что, помимо всего прочего, лишний раз говорит о том, что первоначально этот предмет с династией Романовых не связывался), а именно в эту пору он – юный фаворит Лжедмитрия I, открывшего царские сокровищницы для своих любимцев – имел возможность делать выбор по своему вкусу и предпочтениям. Почему же князь отобрал икону Константина и Елены и присовокупил к ней мощи и изображения мученицы Гликерии?

Дело в том, что имена *Елена* и *Гликерия*, как недавно удалось установить, носила в миру родная мать Ивана Андреевича – княгиня Елена / Гликерия Васильевна Хворостинина, постригшаяся на склоне лет с именем *Геласия* (Литвина, Успенский 2021б). Ее мужа, Андрея Ивановича, не стало в 1604 г., соответственно, наш Иван Андреевич осиротел совсем молодым человеком. Мы ничего не знаем о его родных братьях или о каком-то специальном покровительстве, оказываемом ему дядьями по отцу, ничего не известно и о помощи свойственников, да и вообще о его браке как

таковом (потомства по себе он, во всяком случае, не оставил). Иначе говоря, мать – Елена / Гликерия Васильевна – оставалась, в сущности, единственным родным свидетелем всех взлетов и падений его дворцовой карьеры, увлечений западническими идеями, писательских опытов и художественных пристрастий. Подобно князю Ивану Семеновичу Куракину, Хворостинин поневоле оказался, так сказать, “маменькиным сынком”, и хотя жизненный путь их несхож, оба они лишь ненадолго пережили своих матерей.

Таким образом, едва ли стоит удивляться, что, собирая на протяжении 16 лет драгоценные элементы ковчега, он так или иначе группирует их вокруг двух небесных покровительниц своей матери. Ничто, как уже отмечалось, не указывает ни на монарший заказ, ни на заранее продуманное намерение Хворостинина преподнести этот плод своих многолетних трудов царской семье. Возможно, князь сделал это незадолго до своей кончины в последней попытке самооправдания, но, скорее, ковчег попал в государеву Большую казну уже после кончины бездетного князя. Здесь этот артефакт пришелся весьма ко двору, чему немало способствовало увенчивающая его каталогизаторская надпись, поскольку все это в полной мере отвечало стремлению молодой династии продемонстрировать свою связь и преемственность как с первыми правителями Руси, так и с древней константинопольской церковью.

***

Итак, распутывая клубок генеалогических связей, хитросплетений антропони- мических досье и происхождения предметов, мы можем лучше разглядеть тот айсберг семейного существования элиты XVI-XVII вв., от которого до наших дней дошла только крошечная верхушка. В самом деле, в нашем распоряжении есть лишь два письма царевны Ксении Годуновой, но их структура и характер практически не оставляют сомнений в том, что это небольшой фрагмент некоего коммуникативного потока, чудом сохранившиеся образчики обширной и регулярной переписки. Поэтому-то нам так важно иметь максимально полное представление, о судьбах и биографиях тех женщин, к которым она обращалась. Это знание – невозможное без ономастики – дает нам шанс восстановить целую ткань родства через женщин, ту теневую сторону истории рода, которая обеспечивала хотя бы толику преемственности и стабильности в эпоху потрясений и смуты, репрессий и гражданской войны.

Хорошо известно, например, что брак с представителями великокняжеского и царского дома служил своеобразным социальным лифтом для родни невесты. Не менее существенно, однако, что возникающая при этом гибкая и прочная система связей через женщин могла хотя бы отчасти служить страховочной сеткой для тех, кто из этого лифта выпадал. Мужчины-свойственники порой без труда предают друг друга, тогда как женщины склонны, скорее, залатывать образовывающиеся прорехи. Они образуют некий тесный круг, иногда вовлекающийся в политическую борьбу, а иногда дающий возможность от нее отстраниться. Мы видим как вдовы, вновь выходя замуж или попросту оставаясь в миру, продлевают жизнь угасающих родов,

позволяя им напоследок вспыхнуть новым блеском. Такие овдовевшие матери, как выясняется, играли еще бóльшую, чем могло когда-то казаться, роль в придворной и церковной жизни своих сыновей, так что впору задуматься, к примеру, над исследованием об их месте в истории словесности, да и зарождающейся в XVII в. литературы нового типа. Не менее интересно наблюдать, как знатные монахини, вольные и невольные, остаются непосредственными участницами светской жизни, объединяясь со своими родственницами-мирянками или формируя своеобразные кланы внутри монастырских стен.

Помимо всего прочего, традиционность и консерватизм династического быта XVII в., несколько неожиданные для новой династии, воцарившейся после стольких перипетий Смутного времени, были, по-видимому, хотя бы отчасти обязаны своим существованием долгожительству системы свойства, кое-как объединявшей новую эпоху с давними – более спокойными – временами. С одной стороны, коммеморативные записи, имена собственные, переходящие из рук в руки сакральные и светские предметы – это не только благодарный материал для современного историка, но и олицетворение живой памяти для самих людей позднего Средневековья, поддерживающей ощущение естественной преемственности в повседневной и духовной жизни. С другой стороны, не менее важны и, так сказать, сиюминутные политические манипуляции с именованиями и предметами, оценить которые можно лишь досконально разобравшись в ономастических сюжетах – воцарение Годуновых, низведение Шуйского или легитимизация Романовых сопровождается обильным антропонимическим и генеалогическим конструированием, к которым прибегают как новые династы, так и их противники.

Сокращения

АИ II:	<i>Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, II, Санкт-Петербург 1841.</i>
АСЗ IV:	А.В. Антонов (сост.), <i>Акты служилых землевладельцев XV-XVII века, IV, Москва 2008.</i>
БАН:	Библиотека Академии Наук, Санкт-Петербург.
ОР РГБ:	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
ПСРА XIV:	<i>Полное собрание русских летописей, XIV, Санкт-Петербург 1910.</i>

Литература

- Алексеев 2006: А.И. Алексеев, *Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря*, “Вестник церковной истории”, 2006, 3, с. 5-184.
- Балдин, Манушина, 1996: В.И. Балдин, Т.Н. Манушина, *Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV-XVII вв.*, Москва 1996.
- Веселовский 1963: С.Б. Веселовский, *Исследования по истории опричнины*, Москва 1963.
- Вилинбахова 1994: Т.Б. Вилинбахова, *О трех иконах из Покровского монастыря Суздаля в собрании ГРМ*, в: *Древнерусское искусство: Новые атрибуции*, Санкт-Петербург 1994, с. 3-12.
- Гольдберг 1954: Т.Г. Гольдберг, *Из посольских даров XVI-XVII веков: Английское серебро*, в: *Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты*, Москва 1954, с. 435-506.
- Кириченко, Николаева 2008: Л.А. Кириченко, С.В. Николаева, *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*, Москва 2008.
- Кобеко 1905: Д.Ф. Кобеко, *Сабуровы и князья Ноготковы*, “Летопись Историко-родословного общества в Москве”, 1905, 2, с. 3-6.
- Корзинин 2016: А.Л. Корзинин, *Государев двор русского государства в доопричный период (1550-1565 гг.)*, Москва-Санкт-Петербург 2016.
- Курганова 2007: Н.М. Курганова, *Страницы истории некрополя города Суздаля*. Москва 2007.
- Кучкин 2013: В.А. Кучкин, *Московские Рюриковичи (генеалогия и демография)*, “Исторический вестник”, 2013, 4 (151), с. 6-71.
- Литвина, Успенский 2020: А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Династический мир домонгольской Руси*, Санкт-Петербург 2020.
- Литвина, Успенский 2021a: А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Два имени государя (Потопий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский)*, в: О. Воскобойников, О. Тогоева (сост. и отв. ред.), *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время*, Москва 2021, с. 120-134.
- Литвина, Успенский 2021б: А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1601-1621 гг.)*, “Slověne/Словѣне. International Journal of Slavic Studies”, X, 2021, 1, с. 94-112.

- Литвина, Успенский 2022: А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, Санкт-Петербург 2022.
- Литвина, Успенский 2023: А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Свержение царя Василия Шуйского в свете новых данных*, “Вопросы ономастики”, XX, 2023, 3, с. 103-119.
- Литвина, Успенский в печати (а): А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Английский кубок в семье русского боярина (просопографические аспекты провенанса)*, в: *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология*, Москва.
- Литвина, Успенский в печати (б): А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Напрестольный крест 1603/04 г. из Покровского монастыря в Суздале: Идентификация вкладчика*, в: Т.В. Гимон, П.В. Лукин, Е.А. Мельникова (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2024 год: Памяти А.В. Назаренко*, Москва.
- Мартынова 2000: М.В. Мартынова, *Ковчег Ивана Хворостинина*, в: А.М. Лидов (ред.-сост.), *Христианские реликвии в Московском Кремле*, Москва 2000, с. 63-66.
- Мартынова 2003: М.В. Мартынова, *Ковчег Ивана Хворостинина*, в: *Художественные памятники Московского Кремля: Материалы и исследования*, XVI, Москва 2023, с. 91-109.
- Савелов 1914: А.М. Савелов, *Страничка из истории Смутного времени: Царица Мария Петровна Шуйская*, “Русский архив”, 1914, 2, с. 222-234.
- Сахаров 1851: И.П. Сахаров, *Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря*, в: “Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества”, I, Санкт-Петербург 1851, с. 46-89.
- Соколов 2007: А.Н. Соколов, *Полный относительно изданного до настоящего времени перечень князей и дворян, потомков Рюрика – первого русского князя, основателя династии Рюриковичей и русской государственности*, Нижний Новгород 2007².
- Соколова, Солодкин 1993: А.В. Соколова, Я.Г. Солодкин, *Куракин Иван Семенович*, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси, III (XVII в.) / 2 (И-О)*, Санкт-Петербург 1993, с. 206-212.
- Тюменцев, Тупикова 2018: И.О. Тюменцев, Н.А. Тупикова, *Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин*, “Вестник Санкт-Петербургского университета. История”, XLIII, 2018, 3, с. 935-948.

- Шаблова 2012: Т.И. Шаблова, *Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой*, Санкт-Петербург 2012.
- Шалина 2018: И.А. Шалина, *Иконы из ризницы Покровского Суздальского монастыря в собрании Русского музея*, в: *К 25-летию возрождения Свято-Покровского женского монастыря г. Суздаля (1992-2017). Материалы научных чтений 13 октября 2017 г.*, Суздаль 2018, с. 51-126.
- Шокарев 2022: С.Ю. Шокарев, *Смерть царицы старицы Александры (1614 год) и русский погребальный обряд XVI-XVII веков*, "Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук", 2022, 1 (53), с. 40-47.
- Litvina, Uspenskij 2024: A. Litvina, F. Uspenskij, *The Sovereign's Two Names (Potapii Maksimovich the Grandson of Matvei, or Vasilii Ivanovich Shuiskii)*, в: Á. Kriza, W.F. Ryan (ed.), *Enigma in Rus and Medieval Slavic Cultures*, Berlin-Boston 2024, с. 349-361.

Abstract

Fjodor Uspenskij, Anna Litvina

Goblet and Cross, Casket and Tombstone. Names and Things in the Hidden History of the Time of Troubles

In this work we discuss new attributions of valuable and commemorative objects from the mid-16th to the early decades of the 17th century, namely the tombstone of Aleksandra Saburova, the reliquary of Ivan Chvorostinin, the cross from the Gold Storeroom of the Vladimir-Suzdal' Preserve Museum, the goblet from the sacristy of the Trinity Monastery of St. Sergius, and letters of Ksenija Godunova. Reconsidering the provenance of these objects through the lens of historical onomastics allows us, in particular, to observe the inner functioning of the complex system of the in-law connections and matrilineal kinship, which simultaneously unites and divides the court elites and the Czar, whilst forming the bridge of continuity between the two eras. For the families of Ivan the Terrible, Godunov and Šujskij, the choice of a name once again becomes the space where purely political tasks, everyday life and personal piety collide and intersect.

Keywords

Ivan the Terrible's Family; the Saburovs; the Godunovs; Vasilij Ivanovič Šuiskij; Secular Christian Binominality; Kinship and Affinity Among the Court Elites.